

На правах рукописи

Левочская Антонина Сергеевна

ПОЛИТИЧЕСКИЙ «СЛОВАРЬ» Ю. КРИЖАНИЧА

Специальность 10.02.03 — Славянские языки

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2011

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук Институте славяноведения в отделе типологии и сравнительного языкознания

Научный руководитель:

доктор филологических наук **Наталья Николаевна Запольская**
(Институт славяноведения РАН,
отдел типологии и сравнительного языкознания)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Наталья Евгеньевна Апаньева**
(кафедра славянской филологии филологического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

кандидат филологических наук **Александр Геннадьевич Кравецкий**
(Институт русского языка РАН, сектор истории русского
литературного языка)

Ведущая организация: **факультет иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра славянских языков и культур**

Защита состоится *21.02.2012* в *15⁰⁰* час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН

Автореферат разослан

11 января 2012 г.

Объявление о защите и автореферат размещены 04.01.2012 .
на сайте Института славяноведения РАН

http://www.inslav.ru/images/stories/other/autoref_levochskaja.pdf

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук

И.Е. Адельгейм

© Институт славяноведения РАН, 2011 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию *политической терминологии*, представленной в сочинениях известного католического миссионера XVII в., автора филологических и исторических сочинений, хорвата по национальности Юрия Крижанича.

Поскольку политика может рассматриваться как система кодифицированных знаков, развертываемых в высказываниях в социально-семиотический процесс, анализ «политического языка» Крижанича проводится в рамках оппозиции дискурс / контрдискурс.

Понятие и термин *дискурс* являются едва ли не наиболее употребительными элементами теоретического аппарата современной лингвистики. Среди разных интерпретаций понятия и термина *дискурс* выделяются два концептуальных направления.

Первое направление связано с пониманием текста как динамического образования: объектами исследования дискурса являются его генезис, развитие, развертывание в пространстве, времени и логике повествования. Дискурс определяется как «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя связный текст, социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации, так и о процессах производства и восприятия текста»¹. Такой подход к дискурсу принят, в основном, в работах лингвистов, занимающихся вопросами лингвистики текста, большего, чем предложение (Т. Ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи, У. Лабов, Дж. Граймс, Р. Лонгейкр, Т. Гивон, У. Чейф).

Второе направление связано с пониманием дискурса как «совокупности речевых практик, оказывающих влияние на формирование представлений об объекте, который они подразумевают»². Такой подход к

¹ Т. Ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 13.

² Foucault M. L'adire du discours. 1971. P. 11.

дискурсу характерен для французской или, точнее, франкоязычной школы анализа дискурса: наиболее известными представителями являются такие философы, лингвисты и культурологи, как М. Фуко, А. Греймас, М. Пешё, П. Серио и др. Подобным образом используют термин *дискурс* и некоторые отечественные лингвисты. Так, Ю.С. Степанов характеризует дискурс как «особое использование языка... для выражения особой ментальности ... особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка, в конечном счете, *особую грамматику* и *особые правила лексики*»³. Соответственно, при анализе политического дискурса в рамках данного направления особое внимание обращается на политический «словарь» определенной исторической эпохи, т.е. на систему политической лексики.

В диссертации принято понимание политического дискурса именно как совокупности высказываний, в которых выражается определенная социальная или идеологическая позиция, т.е. признание того, что «язык растворяется в идеологии»⁴.

Актуальность избранной темы и ее направления обусловлена важностью исследований в области политического дискурса, дающих возможность посредством описания языка политической власти и ее оппонентов воссоздать фрагменты культурно-языковой истории. Актуальность темы определяется и тем, что политический язык как особая языковая данность стал предметом лингвистических исследований сравнительно недавно – на рубеже 50–60-х гг. XX века.

Предметом исследования являются сочинения Крижанича, содержащие изложение официальной политической доктрины Русского государства XVII века и критику этой доктрины, т.е. демонстрирующие оппозицию дискурс // контрдискурс.

³ Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35.

⁴ Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М., 1999. С. 27.

Текстовым ядром является трактат «Политика», созданный Крижаничем в Тобольске в 1663–1665 гг. В своем сочинении Крижанич, обращаясь к русскому царю, выступает с критикой государственного устройства России XVII века и высказывает ряд предложений по исправлению существующих недостатков. Центральными в трактате оказываются проблемы взаимоотношений правителя и подданных, прав и обязанностей правителя. Считая русского государя полновластным и независимым монархом, Крижанич выступает с критикой всего, что может умалить достоинство русского правителя и бросить тень на его величие. Критике подвергаются историко-политические теории (например, идея «Москва – Третий Рим»), исторические тексты (например, текст русской летописи) и языковые факты (русские государственные термины и титулы государя), которые, по мнению Крижанича, создают неправильное представление о русской истории и характере власти русского государя и поэтому требуют исправления.

Объектом исследования является представленная в сочинениях Крижанича политическая лексика, отчасти заимствованная им из различных славянских языков, отчасти созданная им самим. Несмотря на то, что рассматриваемые лексические единицы в генетическом отношении представляют собой достаточно пеструю картину, они образуют *«малую» функциональную систему*, т.е. оказываются одновременно и связанными, и противопоставленными по определенным признакам.

Целью исследования является реконструкция системы политических терминов, т.е. реконструкция политического «словаря» Крижанича, который позволяет выявить смысловой инвариант его политических текстов.

Задачи исследования:

1) составление историко-семантического комментария терминов власти и терминов монаршей титулатуры, представленных в текстах Крижанича;

2) выявление лингвистической аргументации, использованной Крижаничем для характеристики политической лексики;

3) выявление исторической аргументации, приведенной Крижаничем для характеристики политической лексики.

Основным методом исследования политической лексики явился историко-семантический анализ. Кроме того, для определения мотивов выбора Крижаничем того или иного термина был проведен сопоставительный анализ политических терминов, использованных в сочинениях Крижанича, и политических терминов, кодифицированных в словарях разных славянских языков XVI–XVII вв. Лексикографическими источниками явились:

1) словари Юго-Западной Руси:

- «Лексис» Лаврентия Зизания⁵,
- «Синонима славеноросская»⁶,
- «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды⁷;

2) словари Московской Руси:

- «Лексикон латинский» Епифания Славинецкого⁸,
- «Лексикон словено-латинский» Е. Славинецкого, А. Корецкого-Сатановского⁹;

3) хорватские словари:

- «*Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae, Ungaricae*» Ф. Вранчица¹⁰,
- J. Mikaļa «*Blago jezika slovinskoga ili slovník, u komu izgovaraju se riječ slovinske i djački*»¹¹;

⁵ Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская. Підготовка текстів пам'яток і вступні статті В.В. Німчука. Київ, 1964.

⁶ Там же.

⁷ Памва Берында. Лексіконь славеноросский і имен тлькованіе. Киев, 1627.

⁸ Лексикон латинський Е. Славинецького, лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підгот. до видання В.В. Німчук. Київ, 1973.

⁹ Там же.

¹⁰ *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, Latinae, Italicae, Dalmaticae, Vngaricae. Venetiis, 1595.*

4) польские словари:

- «*Dictionarius Ioannis Murellii variorum rerum*»¹²,
- N. Volckmar «*Dictionarium quadrilinguis latino-germano-polonico-graecum*»¹³,
- G. Snaapius «*Thesaurus polono-latino-graecius*»¹⁴.

Кроме того, привлекались данные современных исторических словарей славянских языков – «Словаря русского языка XI–XVII вв.»¹⁵ и словаря хорватского языка – «*Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*»¹⁶.

Материалом для исследования послужили:

1) рукописные источники:

- трактат «*O Rimskom carstvu*»¹⁷;
- выписки¹⁸, сделанные Крижаничем из Летописного свода 1652 г.;

2) печатные источники:

- опубликованные части большого рукописного сборника «Политика», написанного Крижаничем в ссылке в 1663–1665 гг.¹⁹;
- записка Крижанича 1641 г., обращенная к префекту Конгрегации de Propaganda Fide кардиналу Антонию Барберини;
- сообщение, адресованное миссионеру Леваковичу, в котором речь шла о том, как проходила поездка Крижанича в Москву в 1646–1647 гг.;
- письмо Крижанича, направленное царю сразу после прибытия Крижанича в Москву в сентябре 1659 года;
- челобитная царю Федору Алексеевичу 1676 г.²⁰

Данные источники демонстрируют объем языковой компетенции Крижанича, поскольку они написаны на разных языках – на латыни, на

¹¹ Mikala J. Blago jezika slovinskoga ili slovník, u komu izgovaraju se riječ slovinske i djački. *Thesaurus linguae Illyricae sive dictionarium Illyricum labore p. Jacobi Micalia societ Jesu collectum* Lavreti, 1649.

¹² *Dictionarius Ioannis Murellii variorum rerum*, Venezia, 1564.

¹³ Volckmar N. *Dictionarium quadrilinguis latino-germano-polonico-graecum*. Danzig, 1624.

¹⁴ Snaapius G. *Thesaurus polono-latino-graecius*. Cracoviae, 1643.

¹⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.

¹⁶ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika (I–XXIII)*, Zagreb, 1887–1959.

¹⁷ РГАДА, ф. 381, №. 1799.

¹⁸ РГАДА, ф. 381, №. 1801.

¹⁹ Русское государство в половине XVII века. Часть I – II, М., 1859–1960; Крижанич Ю. *Политика*. М., 1965.

²⁰ Белокуров С.А. Юрий Крижанич в России. М., 1902.

хорватском языке и на «общем» славянском языке, т.е. языке, характеризующемся синтезом церковнославянской, русской, хорватской и польской лексики.

Научная новизна исследования определяется тем, что оно представляет собой первый опыт системного описания политической лексики Крижанича, проведенного на материале не только известных текстов, но и на материале текстов, ранее не вводившихся в научный оборот.

Теоретическая значимость исследования заключается в интегративном подходе, согласно которому политическая лексика изучается не атомарно, а как «малая» функциональная система, выражающая политические взгляды Крижанича, сформированные в европейском политическом контексте XVII века.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проведенный лингвистический анализ политических сочинений Крижанича позволяет говорить о том, что использованные им политические термины представляют собой «малую» функциональную систему, т.е. оказываются связанными и противопоставленными друг другу по определенным признакам. Система терминов государственного управления, предложенная Крижаничем, соотносилась им с другими системами терминов (в частности, с теми, которые были представлены в словарях разных славянских языков XVI–XVII вв.).

2. Выбор Крижаничем государственных терминов или отказ от некоторых из них объясняются рядом языковых причин: на некоторые из них указывает в своих сочинениях сам Крижанич, некоторые остаются скрытыми и оказываются выявленными только путем историко-семантического анализа представленных в его сочинениях терминов.

3. Для доказательства правильности своих суждений о допустимости / недопустимости использования некоторых титулов для именованя русского государя, Крижанич обращается к тексту Летописного свода 1652 г.: один из

фрагментов «Политики» (глава 32 книги III) представляет собой построчный комментарий к известиям свода, касающимся истории возникновения и развития государственности на Руси.

4. Работа Крижанича над созданием славянской государственной терминологии может считаться одним из направлений его миссионерской деятельности, которую он определял как принципиально просветительскую.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории славянских языков. Результаты исследования значимы и в лексикографическом плане, поскольку позволяют внести дополнения в исторические словари славянских языков.

Апробация работы

Основные положения диссертации были представлены в докладах на научных конференциях по истории славянских языков: IX Конференция молодых ученых «Вопросы славяно-русского рукописного наследия» к 75-летию отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (29 сентября – 2 октября 2008 г.); Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» (25 – 26 мая 2010); Международная научно-образовательная конференция «Римские Кирилло-Мефодиевские чтения» (21 – 28 февраля 2011 г.).

Структура диссертации: работа состоит из введения, четырех глав и заключения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются предмет, объект, цель, задачи и методы исследования, характеризуются источники, устанавливается новизна, а также теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава – «Лингвистические представления Ю. Крижанича» – содержит характеристику лингвистических взглядов Крижанича на историю и пути развития славянских языков, на их грамматическое устройство, на механизмы и способы пополнения лексического состава этих языков.

Обзор научной литературы, посвященной языку Крижанича (прежде всего, работ Т. Экмана, Е. Каминского, Н. Запольской, В. Калугина) и проведенное исследование источников позволили заключить, что Крижанич предъявлял и к церковному, и к государственному языку одинаковые теоретические требования – требования «чистоты», «богатства», употребительности, невариативности, что позволяло, по его мнению, на языковом уровне достичь конфессионального единства славян и государственного превосходства России. Соответственно, свою лингвистическую задачу Крижанич видел в устранении заимствований – грецизмов, латинизмов и полонизмов, в снятии синонимии и введении новых слов для выражения новых понятий. Так, стремясь обогатить русский язык новыми словами, Крижанич пытался познакомить русских людей с новыми культурными категориями: он создает политический «язык», который, по его мнению, даст возможность членам русского общества обсуждать государственные вопросы и вести диалог с европейскими государствами, оперируя понятиями, которые являются основополагающими для европейской традиции.

Во **второй главе** – «Термины власти: лингвистическая аргументация выбора» – проводится развернутое исследование предложенных Крижаничем терминов, характеризующих формы государственного правления: *szamowładstwo* (самовладство), *kralyéstwo* (королевство), *bołyarskoje włákanie* (боярское владание), *malowładstwo* (маловладство), *obciewładstwo* (общевладство), *razpústa* (пазныста), *tiranstwo* (тиранство), *lyudodérsrwo* (людодерство) и др.

Рассуждая о различных формах государственного устройства, Крижанич в своей «Политике» обращается к классической схеме форм правления, представленной в «Политике» Аристотеля, которая еще не была переведена в России: он настойчиво говорит о необходимости такого перевода в обращении к царю Федору Алексеевичу 1676 г.

Согласно Аристотелю, существуют шесть основных форм государственного устройства – монархия, аристократия, полития, тирания, олигархия и демократия. Эти формы выделяются на основании двух классификационных признаков: 1) количество лиц, стоящих во главе государства (при монархии и тирании – правитель один, при аристократии и олигархии – выделенная группа лиц, а при политии и демократии – народ), 2) наличие стремления правителей к общей пользе vs. к личному обогащению (при монархии, аристократии и политии – правители стремятся к общей пользе, а при тирании, олигархии и демократии – к личному обогащению).

Исходя из разных комбинаций значений данных признаков, выделяются шесть форм правления. Три из них были названы Аристотелем «благими» (монархия, аристократия и полития), а три – «испорченными» (тирания, олигархия и демократия). При этом из благих форм правления лучшей он считал политию, а из «искаженных» форм правления худшей – тиранию.

Сопоставление схемы форм политического правления Аристотеля и схемы форм политического правления Крижанича позволило выявить сходства и различия. У Крижанича, как и у Аристотеля, выделяются три «благие» и три «искаженные» формы правления: «благие» – *szamowładstwo* (самовла́дство), или *kralyéstwo* (короле́вство), *bolyarskoje wladanie* (боярское владание) и *obcèwładstwo* (общевла́дство), «искаженные» *tiranstwo*, или *lyudodèrswo* (людоде́рство), *oligarchija*, или *malowładstwo* (маловла́дство), и *anarchija*, или *razpústa* (разну́ста). Особенность схемы Крижанича состоит

в том, что у него «искаженной» формой *obcëwładstwa* является *anarchija*, или *razpústa*, в то время как Аристотель «искажением» политики считал *демократию*. По-разному Крижанич и Аристотель оценивали и формы правления: лучшая форма правления для Крижанича монархия, или *szamowładstwo*, а худшая – *anarchija*, или *razpústa*.

Основное же отличие двух разбираемых схем состоит в том, что схема Крижанича расширена по сравнению со схемой Аристотеля: к двум признакам, на основании которых Аристотель выделяет формы правления, Крижанич добавляет еще два, а именно законность / незаконность правления и этническую принадлежность правителя, которую он характеризует в терминах оппозиции свой / чужой. Увеличение количества классификационных признаков приводит к увеличению числа форм правления: *гинекархия*, т.е. форма правления, при которой во главе государства находятся женщины, и *ксенархия*, или *чужевладство*, т.е. форма правления, при которой государством правит иностранец.

В данной главе рассматривается также проблема соответствия латинской и славянской терминологических систем, использованных Крижаничем. Поскольку части «Политики» Крижанича написаны на латыни и на хорватском языке, можно сравнить государственные термины в их латинском и славянском варианте. Так, например, латинскому термину *perfecta monarchia* соответствуют три славянских термина *szamowładstwo* (*самовладство*), *kralyéstwo* (*королевство*) и *единовладство*. Эти слова не синонимичны, поскольку каждое отличается от двух других смысловыми (понятийными) акцентами.

Самовладством Крижанич называет чаще всего русское государственное устройство: «Зрад сего сие правоверное и преславное Русское кралество, по достойну имае ся звать честито, стречно, и блажено: або в нем ся охраняет от всех святых людей ухвалено, и Божиему владанию

сподобно, Совершенно *Самовла́дство*²¹. Кроме того, он употребляет термин *самовла́дство* и для характеристики политического устройства любой страны, где наблюдается абсолютная монархия. Так, *самовла́дством* он называет римскую форму правления времен Империи: «Rimlyáni swoyim Vanóm woïènnim posle welíkogo kóego preobladáńia dawáchu Bânskuïu prosláwu, kúïu zwáchu Trijúmfom.[...] Ali to biásze pred cârskimi wrémenmi, w' obcèwládstwu: a w' *samowládstwu* nemóгутse czinić takówa igrálisca»²². Крижанич использует термин *самовла́дство* и в форме множественного числа: «А w' kralyéstwех ili w' samowládstwех njesút prigózi takówije ustáwi»²³.

Самовла́дству Крижанич противопоставляет *czużewládstwo* (*чужевла́дство*), т.е. государственное устройство, при котором власть принадлежит иностранным правителям: «Wsi naródi proklináïut Czuzewládstwo: poczitáïut óno w' naiweczih tugách i newólyach: i za naiwécúiu srámotu ie izpowedáïut. [...] Níkakowo swátanie, níkakowi zawéti, níkakowa obeçáńia ni ugówori njesút togo góдни; dabichu otkoego mnogolyúdnogo naróda ótnali ukraszéńie Samowládstwa (búdto Paládu iz Tróyi:) i dabi izbáwili lyudéy naiwíszije czésti, kaia możet bit pód neбом»²⁴. Соответственно, в понятии «самовла́дство» для Крижанича присутствует не только идея неограниченной власти правителя внутри государства, но и идея внешней независимости государства.

Крижанич заменяет термин *самовла́дство* на термин *iednowládstwo* (*едновла́дство*) для того, чтобы противопоставить польской «вольности», понимаемой как власть многих, русское «едновла́дство», т.е. власть одного: «Ибо поляки и литовцы ни на миг не перестают ругать совершенное

²¹ Русское государство в половине XVII века. С. 299.

²² Крижанич Ю. Политика. С. 92–93, 447.

²³ Там же. С. 120, 473.

²⁴ Там же. 156, 505.

единовластие и восхвалять свой беспорядочный и весьма тиранский строй. И возводят множество злой клеветы на сие наше единовластное правление»²⁵.

Если в содержании терминов *самовластво* и *едновластво* преобладает политический аспект, т.е. подчеркиваются такие значения, как независимость и неограниченность власти правителя, то в случае с термином *kralyéstwo* (*королевство*) самым главным оказывается то, что этим термином прежде всего обозначается власть Бога. Правитель, именующий себя «королем», по мнению Крижанича, должен осознавать, что, принимая этот титул, он уподобляется Богу, при этом он, с одной стороны, не подчиняется никому из людей, а с другой – подчиняет себя Божественному закону.

Для определения позиции терминологической системы Крижанича в русской и, шире, славянской терминологической традиции, были проанализированы хорватские, польские и церковнославянские словари XVI–XVII вв. Некоторые из этих словарей – словарь Г. Кнапского, словарь П. Беринды, словарь Е. Славинецкого – были хорошо известны Крижаничу, о знакомстве Крижанича с другими – мы не располагаем какими-либо данными. При анализе словарного материала решалась задача, фиксируются ли термины Аристотеля, обозначающие различные формы правления, указанными словарями, если фиксируются, то, как они переводятся (им соответствует одно русское, польское, хорватское слово или ряд синонимов). Тем самым можно было определить, в рамках какой традиции находился Крижанич: использовал ли он известные русские / польские / хорватские термины или термины, которые он употребляет, являются авторскими неологизмами. Показательным для демонстрации работы славянских книжников над политической лексикой является материал, представленный в словаре Епифания Славинецкого: «*aristocratia* – княженачалство, *democratia* – властительство людское, началство, владычество, *oligarchia* –

²⁵ Там же. С. 200, 547.

немногих началство, polities, politia – гражданство, народное житие, turannis, dis – мучительство, лютое обладание»²⁶.

В третьей главе – «Титулатура: лингвистическая аргументация выбора» – проводится историко-семантический анализ монарших титулов, предлагаемых Крижаничем, выявляются причины его отказа от принятых в XVII веке именовании русского государя. В сопоставительном ключе рассматриваются интерпретации именовании государя, зафиксированные в сочинениях Крижанича, и соответствующие словарные материалы, взятые из словарей славянских языков XVI–XVII вв.

Титулы являются важной составляющей дискурса власти, поскольку они маркируют отношения между членами общества: этим терминам Крижанич уделял особое внимание, видя в них отражение характера власти и могущества правителя. Поскольку правильное обращение к государю, по мнению Крижанича, формирует правильное отношение к государю народа и способствует росту авторитета правителя на международной арене, забота о титуле государя должна стать частью внутренней и внешней политики государства. Свою роль он видел в том, чтобы дать комментарий к каждому именованию русского государя: «В титуле наших государей оказывается десять имен: *Великий господарь, Царь, Великий князь, Самодержец, Господарь, Повелитель, Отчичь, Дедичь, Наследник, Обладатель*». Несвершенство титулатуры, по мнению Крижанича, заключается в том, что одни наименования являются заимствованиями или кальками («Царь» есть слово латинское...Самодержец в точности переведено с греческого *Автохράτωρ*, и дурно звучит в языке славянском), а другие демонстрируют синонимичность (*Отчичь, Дедичь, Наследник*, эти три имени означают одно и то же, *Господарь и Обладатель* значат одно и то же, то есть Possessor). Крижанич устраняет заимствования и снимает синонимию: «*Повелитель...* правильное *Заповедник. Отчичь, Дедичь, Наследник...* по Славянски

²⁶ Лексикон латиньский ...С. 91, 157, 291, 320, 406.

правильнее сказать бы *Отчинник, Господарь и Обладатель* ... правильное вместо того сказать бы *Владатель*».

Комментарий Крижанича сопровождается в работе историко-семантическим анализом, построенным на материале словарей XVI–XVII веков и на материале современных исторических словарей. Проведенное исследование позволило внести изменения в набор значений, представленных в современных исторических словарях. Так, например, для слова *наследник*, представленного в формуле *Отчичь, Дедичь, Наследник*, в словарях не фиксируется значение титула: «*Дедичь* – потомственный наследник по деду (СРЯ XI–XVII вв.), *Отчичь* – владелец вотчины, тот, кто располагает юридическими правами на владение вотчиной (СРЯ XI–XVII вв.), *Отчичь и Дедичь* – наследственный владетель (титул), *Наследник* – имеющий право на долю в чем-либо, получающий что-либо в собственность, во владение, преемник, последователь, продолжатель (СРЯ XI–XVII вв.)».

В центре внимания в данной главе находится проблема соотношения титулов *царь (car)* и *король (kral)*: анализируется лингвистическая аргументация Крижанича, обосновывающая выбор одного из двух титулов для именованя правителей, а также исследуется вопрос о допустимых / недопустимых контекстах употребления слов *царь (car)* и *король (kral)*.

Рассуждая о тех задачах, без решения которых невозможно создание в России сильного государства, Крижанич включает в список этих задач «соблюдение чести и достоинства» государя (*breżënie czësti i welíczestwa*). Под соблюдением чести и достоинства Крижанич понимает заботу о тех проявлениях, знаках власти государя, которые свидетельствуют о его могуществе. В первую очередь, речь идет о титуле государя, который, с одной стороны, должен отражать характер власти правителя (независимый / подчиненный; неограниченный / ограниченный), с другой стороны, формировать правильное отношение других государств к России, способствовать росту ее значения на международной арене. Таким образом,

забота о титуле государя становится частью государственной политики.

Вопросу о титулах русского государя и истории царских титулов посвящено несколько разделов различных сочинений Крижанича. Рассуждения Крижанича выделяются среди прочих рассуждений иностранцев о титулах русского государя своеобразием позиции, подробностью изложения, объемом привлекаемого материала: он предлагает заменить титул русского государя «царь» на титул «король», пишет о происхождении различных титулов, об особенностях их употребления на Руси, говорит о причинах принятия царского титула Иваном IV.

Титул государя, по мнению Крижанича, должен соответствовать ряду требований: не должен быть заимствованным, так как любое заимствование (особенно в сфере государственной терминологии) свидетельствует о несамостоятельности народа, о его культурной и, как следствие, возможной политической зависимости от другого народа; должен нести информацию о характере власти государя; должен быть признан международным сообществом (соблюдение третьего требования возможно только при выполнении первых двух).

Крижанич полагает, что в качестве именованного русского государя неприемлемо использование традиционного титула «царь», так как в данном случае имеет место несоблюдение всех перечисленных требований. По происхождению *car* (*царь*) (лат. *caesar*) – латинское слово, титул римского императора. “Sijá rícz CÁR iest Latínska, ané Slowínska. Otséle uznawáem czto Slowinci nijedinogo swoègo, nit tužego wladátelya niotnyûd nisut zwáli Cárom; opricz iedínogo Rímskogo wladátelya: i iedinuiu iegó syolicu ót wíka iesut zwáli, i zowût Carigradom. Rímskogo czúsz Králya zwáchu rímskoiu ricziû cárom: iakož Tatárskogo zowèm Hânom i Perskogo Száchom²⁷. Крижанич указывает, что *car* – это имя одного римского рода: «prozwanie iednego bolyarskogo plémena»²⁸.

²⁷ РГАДА, ф. 381, № 1799. С. 683.

²⁸ Там же. С. 690.

Таким образом, происхождение этого слова делает недопустимым его употребление и по отношению к Богу (Câr nebêsniy) . По мнению Крижанича, слово *car* не может, как и любое другое собственное имя, отражать характер власти правителя. «Níkaia imena znamenúit oblast, ili czést: iako Krály, Gospodin, Otéc; a nikaia znamenúit ósobu: iako Iwán, Péter, Pówel. Ali lyúdi dlya láskania, ili dlya ínich przicín, nikogda osôbnoe íme postawlyáit w misto oblastnego ili czestnego ímena. Síce w' Jegíptu pêrwy krály zwásze se Faraón; izáto oni lyúdi sut iáli wsích naslidúiućich krályew zwát Faraónmi: i u Rimlyánow potomúz wsí sut se zwáli Cesári. Pokamísta Bôg iest izwir i zaczálnik wsákijé oblasti záto Bôg práwo se zowét Krály, Gospôdin, Otéc, i wsákimi ômcimi ímenmi. A osôbnimi ímenmi níkto Boga nezowét: nékszi Faraónom, líbo Cesárom líbo Aleksándrom. Tokmo nászije knygi Bóga zowút Câr nebêsniy, ali blúдно i rawnó iako dabi ktô rékel Faraón nebesniy, Késar nebêsniy»²⁹.

В противоположность этому титул *kral* (*король*), по мнению Крижанича, – самое подходящее именование для русского государя, так как этот титул не является заимствованием, отражает независимый характер власти правителя, может быть признан иностранными государствами. Крижанич пишет, что титул этот имеет славянское происхождение: «krály iest rícz slowinska»³⁰. Этим титулом могут именоваться только независимые правители, выше власти которых может стоять только власть Бога. Титул этот он считает самым подходящим для русского «самовладца» (т.е. самодержца), обладающего «совершенной» властью и независимостью, так как: «Krály adda iest náródníy wladately takow, kíy nikakowa gospodãria, opricz iedínogo Bóga, nád soboiu nímaet: i sija rícz Krály iest práwoe i wlastitoe íme naiwiszego stãna i wisokósti i gospódstwa pód Bogom»³¹. Рассуждения Крижанича на эту тему не ограничиваются предложением заменить титул русского государя *car* (*царь*) на титул *kral* (*король*). Крижанич пишет, что

²⁹ Там же. С. 691.

³⁰ Там же. С. 690.

³¹ Там же. С. 681.

слово *царь* (то же что цел. «цѣсарь») должно остаться в русском языке, но при этом изменить свою функцию: *царем* должен именоваться только римский император.

Крижанич обращает внимание на оппозицию *цѣсарь* – *кесарь* (первый член которой употребляется для именованя ветхозаветных царей и Христа, второй – для именованя римского императора), актуальную для церковнославянского языка. Крижанич выступает против именованя римского императора *кесарем*. *Кесарь*, пишет Крижанич, греческий вариант лат. *caesar*, в греческом алфавите нет буквы для звука [ц]: «Cár znâczit tože czto Késar: i řicz sijá Késar nikoli nist bĭla slĭszena w' nâszem iazĭku. W' Latĭnskom bo swoém iazĭku pĭszetse síce César, Цеса'рь: a Gréki (: pokamista wo swoey ázbuke nĭmauiť slówa Ц:) po nûže přewódet síce Késar iakože i w' ĩnich sícewich řiczêch izinêť w'misto Целести'нь, Цицеро'нь, pĭszut Kêlestinĭň, Кикеронĭ. A mĭ slowinci nĭmaem toé nûži, Ц pretwariát w' k : nó izrikáem pódlinno Цеса'рь: ili pácze skracaém řicz dlya skórijego izriczênia: i welĭm Ца'рь: iakož w'misto Gospodâr, izrikáem Sudâr i Sdâr: i wmisto Boiâri welim Bâri»³². Если *кесарь* то же, что *царь* = *цѣсарь*, то эти два титула не должны быть противопоставлены друг другу. Пример такого противопоставления Крижанич находит в церковнославянском переводе Евангелия: «Neimami Cária, tótkmo Késaria» (Ин 19, 15)³³. Учитывая все вышеперечисленные предложения Крижанича, можно легко предсказать, какой перевод будет предложен Крижаничем: «Nĭmaem Kralyá, no Cária»³⁴.

В данной главе предложения Крижанича по изменению титулатуры рассматриваются в контексте иностранной традиции критики употребления русским государем царского титула, представленной в сочинениях

³² Там же, 684.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

иностранных путешественников и дипломатов: Сигизмунда Герберштейна, Адама Олеария, Августина Мейерберга и др.

В **четвертой главе** – *«Политическая лексика: историческая аргументация выбора»* – обсуждается историческая аргументация предложенных Крижаничем терминов, изучаются мотивы, которые послужили Крижаничу подкреплением тех выводов, которые он делает по поводу обозначений титулов. Обращение к историческому контексту позволяет ему показать неправомерность использования в политическом дискурсе некоторых терминов, именующих государя, то есть показать обоснованность вводимых им самим языковых ограничений и запретов. Основываясь на данных русской летописи, Крижанич приходит к выводу о недопустимости использования русским государем титула «царь». По его мнению, этот титул, будучи заимствованным из латинского языка, указывает на некоторую преемственность власти русских государей от власти римских императоров (кесарей), которая не подтверждается исторически.

Проведенное исследование позволило реконструировать механизм работы Крижанича с текстом русской летописи: было установлено, что одна из глав «Политики» (раздел 32 III книги «Политики») представляет собой развернутый комментарий к известиям Летописного свода 1652 г., касающимся истории возникновения русского государства. Крижанич разбирает легенды, «басни» о происхождении славян и возникновении русского государства: легенду о происхождении славян от скифов, легенду о даровании Александром Македонским грамоты славянским князьям, легенду о призвании варяжских-пруссских «самодержцев-курфирстов» и происхождении русских князей из рода римского императора Августа, легенду о даровании Константином Мономахом царских регалий Владимиру Мономаху.

Проведенное исследование текстов позволило установить, что все перечисленные легенды были взяты Крижаничем из Летописного свода 1652

года. Об этом свидетельствует как порядок, в котором он комментирует эти легенды в «Политике» (тот же, что и в Летописном своде), так и текстуальные совпадения между соответствующими фрагментами Свода 1652 г. и их пересказом в «Политике».

Во всех указанных сюжетах речь идет о прямой передаче власти от разных иностранных правителей русским государям, которые вместе с определенными полномочиями и правами получают и новый, более высокий статус. Крижанич опровергает достоверность этих легенд и предполагает, что их создание было связано с желанием русских правителей доказать свое право на неограниченную власть над подданными, повысить свой международный статус. Крижанич называет эти легенды «глупой и грубой ложью» и пишет о том, что русские, выдумывая о себе подобные «малопохвальные басни», лишь позорят себя и дают повод другим народам насмехаться над собой. Свою задачу Крижанич, посвятивший свой политический трактат царю Алексею Михайловичу, видел в том, чтобы объяснить царю и его народу отсутствие необходимости создания подобных «басен», которые лишь умаляют достоинство русского полновластного и независимого государя, имеющего право носить самые высокие титулы.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования политической лексики, представленной в сочинениях Крижанича, и делаются общие выводы:

1. Политическая лексика, представленная в сочинениях Крижанича, использована им для выражения официальной политической доктрины Русского государства XVII века и для выражения критики этой доктрины, т.е. эта лексика демонстрирует оппозицию дискурс // контрдискурс.

2. Использованная Крижаничем политическая лексика либо заимствована им из различных славянских языков, либо создана им самим. Несмотря на то, что эти лексические единицы в генетическом отношении представляют собой достаточно пеструю картину, они образуют «малую»

функциональную систему, т.е. оказываются одновременно и связанными, и противопоставленными по определенным признакам.

3. Выбор Крижаничем политических терминов был мотивирован как его общими лингвистическими установками на «чистоту» и «богатство» государственного языка, так и его политическими взглядами на историю государственности в славянских странах.

4. Система политических терминов, т.е. политический «словарь» Крижанича, позволяет выявить смысловой инвариант его политических текстов – идею неограниченной власти правителя внутри государства и идею внешней независимости государства.

Основные результаты исследования отражены в публикациях из списка журналов ВАК:

1. «Сár» и «Kgrâl»: размышления Юрия Крижанича о монарших титулах // Славяноведение, М., 2010. № 5. С. 65–72;

2. «О работе Ю. Крижанича над текстом русской летописи» // ТОДРЛ, т. 62 (в печати).

Напечатано с готового оригинал-макета
ООО «ОК Принт»
Подписано в печать 27.12.2011 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ 452
Москва, Новоданиловская наб., 4, оф. 39.